

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-186-197
УДК 93/94

Охрана материнства и младенчества в первое десятилетие советской власти на Тамбовщине (1918–1928 гг.)

Павел Петрович ЩЕРБИНИН

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>, e-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Protection of motherhood and infancy in the first decade of Soviet government in the Tambov Region (1918–1928)

Pavel P. SHCHERBININ

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>, e-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Аннотация. Специально и комплексно изучена социальная политика в отношении материнства и младенчества, в том числе система социальной защиты детей-сирот в Тамбовской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1928 гг.) сквозь призму государственной, общественной и частной поддержки аграрного социума. В центре внимания была реконструкция соответствия провозглашенной советским правительством программы защиты материнства и детства реалиям на региональном уровне. На основе широкого комплекса первичных материалов (архивных источников, периодической печати, опубликованных материалов) репрезентативно исследованы различные малоизвестные аспекты заявленной научной проблемы. Обобщен успешный и неудачный опыт формирования системы социального государства и общественных инициатив медицинского сообщества и женотделов в провинциальной России, который нередко имел существенные отличия от столичных событий и управленческих решений. Выявлена этапная организация создания отделов материнства и младенчества, фактического призрения детей-сирот на региональном и уездном уровнях, что позволяет оценить возможности и потребности социальной защиты и призрения детей в городском и сельском социуме рассматриваемого хронологического периода. Уточнены трансформации социальных учреждений в отношении материнства и детства как на уровне губернии, так и на уездном уровне. Специально рассмотрено положение детей-подкидышей и социальная политика по передаче этих подкинутых детей в частные руки на воспитание, оценены финансовые проблемы, связанные с передачей детей-сирот в бездетные крестьянские семьи. Выявлены основные тенденции социальной заботы о «детях беды», мотивы оказания им помощи и поддержки местным сообществом, коллективами предприятий и государственных учреждений рассматриваемого периода. Сделаны выводы и заключения о результатах и историческом региональном опыте и традициях, особенностях поддержки материнства и детства на уровне губернии и уездов, что позволило успешно реконструировать данную систему социальной защиты новой Советской России. Обращено внимание на важность учета региональной специфики и конкретно-исторических проявлений социального государства в эпоху социальных катаклизмов (революции, Гражданской войны, «антоновщины», нэпа), а также оценки общественно-политических, социокультурных тенденций в условиях советской власти.

Ключевые слова: материнство и младенчество; социальное попечение; советская власть; дома ребенка; дети-сироты; приюты для подкидышей; социальная защита; социальная опека; детские приюты; ясли; детские сады; отдел материнства и детства; региональная история

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00333.

Для цитирования: Щербинин П.П. Охрана материнства и младенчества в первое десятилетие советской власти на Тамбовщине (1918–1928 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 186–197. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-186-197

Abstract. The social policy regarding motherhood and infancy, including the system of social protection of orphans in the Tambov Governorate in the first decade of Soviet government (1918–1928) was specially and comprehensively studied in the context of state, public and private support of the agrarian society. The focus was on the reconstruction of the conformity of the program of maternity and childhood protection proclaimed by the Soviet government at the regional level. On the basis of a wide range of primary materials (archival sources, periodicals, published materials) various little-known aspects of a scientific problem are representatively investigated. We summarize the successful and unsuccessful experience of the formation of a welfare state system and public initiatives of the medical community and women’s departments in provincial Russia, which often had significant differences from metropolitan events and management decisions. A staged organization has been identified of creating subdivisions of motherhood and infancy, the actual care of orphans at the regional and county level, which makes it possible to assess the opportunities and needs of social protection and the care of children in urban and rural society during the chronological period. We clarify the transformation of social institutions in relation to the maternity and childhood, both at the level of the governorate and at the county level. The situation of abandoned children and the social policy of transferring these children to private education are specifically considered, the financial problems associated with the transfer of orphans to childless peasant families are assessed. The main trends of social care for the “children of misfortune”, the motives for helping and supporting them by the local community, collectives of enterprises and state institutions of the period under review are revealed. Conclusions are made about the results and historical regional experience and traditions, peculiarities of supporting motherhood and childhood at the level of the province and counties, which made it possible to successfully reconstruct this social protection system of the new Soviet Russia. Attention is drawn to the importance of taking into account regional specifics and concrete historical manifestations of the social state in the era of social cataclysms (Revolution, Civil War, Antonovschina, New Economic Policy), as well as assessing social and political, social and cultural tendencies of the Soviet government.

Keywords: motherhood and infancy; social care; Soviet government; orphanages, orphans; foundling shelters; social protection; social care; orphanages; nurseries; kindergartens; motherhood and childhood subdivision; regional history

Acknowledgements: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 19-09-00333.

For citation: Shcherbinin P.P. Okhrana materinstva i mladenchestva v pervoye desyatiletie sovetsoy vlasti na Tambovshchine (1918–1928 gg.) [Protection of motherhood and infancy in the first decade of Soviet government in the Tambov Region (1918–1928)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 186–197. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-186-197 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Одной из самых актуальных проблем научного дискурса и общественного внимания в различные исторические периоды являлась забота о матери и ребенке (охрана материнства и детства), в том числе ее составляющая – охрана материнства и младенчества – которая традиционно привлекает внимание историков и социологов, демографов и политиков, всех тех, кто рассматривает широкий спектр сюжетов в рамках изучения социальной и гендерной истории, истории детства, семьи и частной жизни. Вот уже более ста лет эта тематика сохраняет свою актуаль-

ность и востребованность, вызывая интерес и попытку найти ответ на вопросы, которые решались современниками и которые волнуют исследователей, занимающихся в настоящее время проблемами общественного и социального развития Российской Федерации.

Мать и дитя, материнство и младенчество, темы здоровья, воспитания и социализации в раннем детском возрасте являются, с одной стороны, конкретно-историческими вопросами, но с другой – отражают социокультурные, этносоциальные и конфессиональные, политико-правовые направления

развития социума и отдельных его членов, социальных групп и сообществ. Понятно, что зарождение данного понятия «охрана материнства и детства» справедливо относят еще к XVIII веку, когда происходили процессы европеизации общественных отношений и государственного управления, положившие начало созданию воспитательных домов и структур родовспоможения. Но все же «женские сюжеты», рождение детей, забота о младенцах (законных и незаконных, приемных или подкинутых) как системная и комплексная социальная проблема начали активно решаться и обсуждаться лишь в конце XIX века. Именно тогда стало очевидным, что без активного привлечения общественности, медико-социальных, санитарно-гигиенических методик и практик невозможно победить высокую детскую смертность и наладить полноценную охрану материнства и младенчества в Российской империи.

В начале XX века охрана материнства и детства стала неким катализатором общественной активности и мерилom (лакмусовой бумажкой) уровня состояния гражданского общества и возможностей проявления индивидуальных и групповых инициатив как в столицах, так и в провинции. Отношение к защите прав матери и ребенка, заботе о их здоровье переставало быть направлением деятельности лишь медицинской общественности, приобретая глубокое социальное звучание и общественный резонанс.

В мае 1913 г. было создано Всероссийское Попечительство об охране материнства и детства, которое должно было стремиться к уменьшению детской смертности, устраивая приюты для матерей и детей, молочные кухни, детские лечебницы и пр. Примечательно, что спустя несколько лет при советском режиме эта идея охраны материнства и младенчества была успешно реабилитирована и стала одним из главных пропагандистских символов советской власти [1].

Нами рассмотрены основные этапы развития системы материнства и младенчества на Тамбовщине в первое десятилетие советской власти (1918–1928 гг.) сквозь призму региональной социальной политики и тактики заботы о матери и ребенке. На основе широкого круга первичных архивных источников и литературы предпринята попытка реконструкции проявлений заботы нового со-

циалистического государства о народосохранении, проявлении внимания к новорожденным и их матерям Страны Советов.

Историография данной научной проблемы в общероссийском контексте весьма обширна. Выделим лишь несколько наиболее важных работ по сюжетам организации заботы о материнстве и младенчестве, написанных современниками [2–4]. Прежде всего, отметим научно-популярные издания 20-х гг. XX века [5; 6]. Первым специальным исследованием по заявленной проблеме была книга Э.М. Конюс [7]. Издавались и материалы совещаний по проблемам материнства и детства¹, а также различные справочные издания [8].

Позже о материнстве и детстве в региональном измерении рассматриваемого периода писала Н.В. Сычева [9]. Из современных исследований отметим фундаментальные работы Т.М. Смирновой [10] и А. Авдеева [11].

Как же разворачивались события в отдельно взятом российском регионе – Тамбовской губернии? Реконструкция данного регионального опыта формирования системы защиты материнства и младенчества позволяет уточнить государственную политику на уровне столиц и провинции в конкретно-исторических условиях революции, Гражданской войны и катаклизмов 20-х гг. XX века.

Самой важной проблемой призрения детей в эпоху революционных перемен 1917 г. центральные и региональные власти, общественные организации, партийно-политические структуры считали охрану материнства и детства. Конечно, радикализация жизни в регионах и оглядка на столицу формировали особые умонастроения и специфические жизненные ориентиры в провинциальном социуме, тем не менее, мечты о воспитании поколения строителей нового счастливого будущего являлись важным направлением общественных настроений. Неслучайно уже в начале июня 1917 г. Тамбовский «демократический женский союз» указывал, что среди важнейших забот союза есть забота о чисто женских и детских нуждах. Заботу о детских нуждах союзницы понимали «...как защиту детских интересов вообще и как способство-

¹ Материалы Первого Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества. Москва, 1–5 декабря 1920 года / Рос. социал. федер. сов. респ. Отд. охраны материнства и младенчества Наркомздрава. М.: Отд. охраны материнства и младенчества Наркомздрава, 1921.

вание правильной постановке умственного, нравственного и физического развития детей – будущих граждан свободной России»². Однако серьезных перемен в организации призрения детей-подкидышей и заботе о новорожденных до конца 1917 г. так и не случилось. В губернском Тамбове продолжали работать приют для подкидышей при губернской земской больнице, другие земские и городские учреждения по призрению детей-сирот, но резко сокращались финансирование и возможности содержания детей.

Пришедшие к власти в столице большевики с первых дней советской власти придали охране материнства и младенчества государственный статус. В декабре 1917 г. коллегия Народного комиссариата государственного призрения принимает важное решение о создании в столице Отдела охраны материнства и младенчества, начавшего функционировать с 1 января 1918 г. По декрету Наркомата государственного призрения от 30 января 1918 г. все учреждения, занимающиеся обслуживанием матери и ребенка, передавались в ведение этого отдела.

23 марта 1918 г. комиссариат социального обеспечения «перешел в мое заведование», – указывала в своем отчете нарком А.М. Коллонтай, – «а из многочисленных прежде отделов был создан самый важный «Отдел охраны материнства и младенчества»³. В основу работы отдела были положены следующие конкретные руководящие принципы:

1) деторождение – социальная функция женщины, и обязанность государства поставить мать-труженицу в условия, облегчающие ей выполнение этой функции;

2) дети как будущие граждане Советской Социалистической Республики с первых же дней жизни являются предметом забот социалистического государства»⁴.

Тогда же было принято принципиальное решение о «ликвидации в Советской России всех воспитательных домов, где из-за скученности детей и отвратительных условий ухода», по мнению новых советских властей, смертность доходила до 78 % и больше. По оценкам А.М. Коллонтай, немногие выжив-

шие питомцы владели жалкое существование, как «калеки, паралитики, изуродованные и ничему не обученные элементы, являясь вечными пенсионерами государства»⁵. По всей стране должны были возникнуть учреждения Охраны материнства и младенчества, а также «Дома матери и ребенка».

Ведущими и привычными лозунгами новой власти стали: «Дети – наше будущее», «Охрана детства – лозунг советской власти», «Дети – надежда Советской России. Берегите детей» и др. 11 июля 1918 г. был создан Комиссариат здравоохранения РСФСР, в ведение которого были переданы все детские учреждения для грудных детей и детей в возрасте до 3-х лет. По сути это была попытка использования опыта императорской России по призрению подкидышей, приюты для которых всегда открывались при уездных и губернских земских больницах. Как и прежде, именно медицинские работники являлись наиболее успешными в организации общественного здравоохранения в отношении новорожденных и их матерей. Медицинская подготовка, врачебный долг и компетенции врачебного персонала были наиболее уместны в турбулентную эпоху социальных социалистических преобразований.

В провинциальной России, в частности в Тамбовской губернии, процессы формирования структур по управлению охраной материнства и детства запаздывали и протекали нередко по произвольному и импульсивному сценарию. Все упиралось, главным образом, в финансы, точнее, в их наличие или отсутствие, а также в инициативность или пассивность местных управленцев. Заметим все же, что особую роль в развитии региональной системы социальной защиты матери и ребенка играли женские организации, в частности, женские советы.

В Тамбовской губернии только 5 июня 1918 г. был образован *Подотдел материнства и детства*, который входил в отдел социального обеспечения, и он принял на баланс учреждения и дела Тамбовского губернского земства. К подотделу перешли бывший дом подкидышей, а также сельский и городской патронаты. Отделом при помощи анкетирования были опрошены волостные Советы, которые сообщили, что все дети, розданные на воспитание крестьянам в деревню,

² Тамбовский земский вестник. 1917. 10 июня.

³ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 1566. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 4.

получили новый надел земли. В результате было принято решение прекратить денежные выплаты за воспитание детей во всей губернии. Это обосновывалось принципами социального воспитания, а также необходимостью «перехода от индивидуального семейного к социальному государственному воспитанию детей»⁶.

Заметим, что это решение очень сильно осложнило жизнь детей-сирот, которые были переданы на воспитание в крестьянские семьи, так как крестьяне уже привыкли к стабильной материальной поддержке за принятых воспитанников и рассчитывали на нее. Теперь же фактически советское местное самоуправление устранилось от всякой помощи семьям, в которые были приняты на воспитание дети-сироты. Это решение не привело к массовому возвращению детей или отказу от их содержания и воспитания, но значительно ухудшило условия жизни и питания таких воспитанников. Фактически происходила вполне типичная «оптимизация» социальной поддержки особо в ней нуждающихся граждан и гражданок «новой» Советской страны.

Впрочем, задача подкидышей на воспитание в городские и сельские семьи все же продолжалась для тех жителей Тамбовской губернии, которые хотели усыновить младенцев. Но она производилась только после обследования и получения положительных данных о личности и семейном положении просителей. Из-за декрета об отделении церкви от государства подкинутым детям имена и фамилии стали назначаться отделами социального обеспечения. Необходимо учитывать, что усыновление не предусматривало никакой материальной поддержки детей и их усыновителей ни государством, ни местными исполнительными комитетами.

Бывший дом подкидышей стал называться домом социального обеспечения младенцев № 8. В него стали приниматься не только подкидыши, но и дети, чьи матери не могли кормить и воспитывать своих детей. По сути, дети часто передавались туда матерями из-за нищеты и голода, которые царили в это время в Тамбовской губернии. Кроме того, некоторые женщины поступали вместе с детьми и становились кормилицами, полу-

чали за это кров и содержание, что превращало заведение в убежище для матери и ребенка⁷. Для многих жительниц региона это была порой единственная возможность спасти себя и своих детей в условиях надвигающейся продовольственной катастрофы.

Новому режиму была очевидна потребность и необходимость развития системы яслей и детских садов. Губернский подотдел дошкольного воспитания был образован при губнаробразе в начале апреля 1918 г. Его задачей была координация деятельности детских садов и других дошкольных учреждений, однако, уездные представители данного подотдела слабо реагировали на указания из Тамбова. На разосланную для заполнения анкету откликнулись только три уезда.

Выяснилось, что только губернский Тамбов сохранил несколько работающих детских учреждений: детский сад при «Доме революции», Мариинский приют, Латышский детский сад, сад при железнодорожной колонии, еврейский очаг. Планировалось также открытие образцового губернского детского сада. Однако долгое время центр не утверждал смету. Но все же главной проблемой было полное отсутствие специалистов по дошкольному воспитанию. Губернский отдел выступил с инициативой и открыл краткосрочные курсы для *детских садовниц*. Именно так были названы работницы детских садов, которых готовили на таких курсах⁸.

Результаты работы по открытию в Тамбовской губернии детских садов, приютов, очагов и других учреждений показывают, что они были открыты лишь к декабрю 1918 г. и только в отдельных уездных городах: по одному детскому саду имелось в Усмани, Кирсанове, Лебедяни, Темникове и Елатье. По два детских учреждения имели Моршанск и Козлов.

Губздравотдел рекомендовал уездным отделам социального обеспечения открыть на местах дома младенца, так как перевозка новорожденных из отдаленных местностей вызывала большой процент их смертности. Также для разгрузки переполненного Дома младенцев в Тамбове вскоре было открыто

⁶ ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. П-840. Оп. 1. Д. 861. Л. 360б.

⁷ Протоколы IV съезда Советов Тамбовской губернии 26 февраля – 1 марта 1919 года. Тамбов: Изд. губернского исполн. комитета, 1919. С. 83.

⁸ Дошкольная жизнь // Вестник просвещения. 1919. № 1-2. С. 33.

второе отделение на сорок человек более старшего возраста от 1,5 до 3-х лет.

Подотделы социального воспитания детей должны были также вести наблюдение за воспитанием детей в приютах. Для изучения столичного опыта по призрению детей-сирот и содержания грудных детей в Москву на курсы для врачей по уходу за грудными детьми были направлены женщины-врачи, а также на курсы медицинских сестер – две бывших воспитанницы сиротского дома.

В ноябре 1918 г. в Тамбове был открыт приют «Ясли» на 50 детей, куда принимались также дети, чьи матери занимались поденным трудом, не могли за ними следить и их воспитывать.

Всего к осени 1918 г. по всей губернии, во все уездные подотделы материнства и младенчества были разосланы проекты и примерные сметы на открытие в уездах домов «матери и ребенка», «яслей», женских консультаций с выдачей молока. Судя по сохранившимся отчетам, были организованы:

1) дома младенцев (всего 12 домов), то есть постоянные приюты для детей до 3 лет с делением детей на группы по возрасту до 1 года, полутора лет и до трех лет. Туда принимались дети-сироты или дети необеспеченных родителей, которые сами не могли их воспитывать. В последнем случае требовалось предъявить удостоверение от местных исполкомов или назначалось производство обследования;

2) ясли постоянного типа (5 учреждений). Ясли давали приют и питание детям матерей, уходящих на службу и не имеющих возможностей на кого-либо оставить своих детей;

3) дома матери и ребенка (6 учреждений), где беременные женщины и матери получали питание и отдых за 2 месяца до и 2 месяца после родов;

4) консультации (7 учреждений) для постоянного медицинского наблюдения за здоровьем детей;

5) родильные отделения (2 учреждения)⁹.

По мнению А. Авдеева, с самого начала функционирования отделов материнства и младенчества власти сосредоточивали усилия на развитии учреждений закрытого типа, таких, как дома матери и ребенка, дома ребенка, то есть попросту – специализирован-

ных больниц. И лишь в декабре 1920 г. первое совещание по охране материнства и младенчества вынесло решение о приоритете развития учреждений открытого типа, таких, как ясли, консультации, молочные кухни и прочее, что можно считать победой профилактически-воспитательного или профилактически-образовательного направления [11, с. 15]. Данное правило не работало в Тамбовской губернии, и в этом контексте местные власти часто импульсивно принимали необходимые решения, рассчитывая и надеясь, впрочем, на инструкции и материальную поддержку из центра.

В 1919 г. денег почти не выделялось, и начались катастрофические последствия для региональной системы охраны материнства и детства. Одними из первых снова забили тревогу тамбовские женщины. На этот раз был подготовлен специальный доклад в комиссию женщин по пропаганде и агитации среди работниц-женщин при уездном комитете партии коммунистов-большевиков о домах социального обеспечения. Главный вывод доклада: при наблюдении за работой на местах, проводимой как в яслях, так и в детских приютах, ощущался недостаток питания и ухода за детьми. В комиссию входили врачи, которые выявили вопиющие нарушения санитарно-гигиенических правил, антисанитарию и вследствие этого высокую заболеваемость и смертность воспитанников. Приведем несколько выдержек из доклада.

В лазарете «Дома революции» вследствие болезни врача «сиделки сами принимали больных и размещали на тех же кроватях, на которых лежали тифозные больные, больные с коклюшем, оспой и т. п.»¹⁰.

В «Яслях», расположенных на улице Приютской, вообще не было изолятора для больных. Больные дети находились в одной комнате с нянями. «В доме имеется одна русская печь, которая может обслуживать семью в 5–6 человек, но не 26 детей. Не имеется куба для кипячения воды; весь дом обслуживается полуведерным самоваром... в одной воде купалось по 10–12 человек детей, и этой же водой стиралось белье, а потом мылся пол. При купании детей никто не присутствовал. Ощущается большой недостаток белья, обуви, одеял»¹¹.

⁹ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 861. Л. 81.

¹⁰ Там же. Л. 15.

¹¹ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 861. Л. 15об.

Сами врачи неоднократно подавали в Тамбовский губернский исполнительный комитет ходатайства о важности усиленного питания подкинутых младенцев, находящихся в доме социального обеспечения № 8. Большинство из 120 таких детей находились на искусственном вскармливании и поступали в «приют слабые и больные, часто с надорванным организмом»¹². По декрету Совнаркома об усиленном питании на ребенка полагалось по 1 бутылке молока или 6 ведер в день на всех, но горпродотдел отпускал только половину этой нормы. Дети от 1 года до 3-х лет не получали ни молока, ни мяса, ни белого хлеба, таким образом, происходило ежедневное падение веса, и появлялись стоматиты. Однако сигналы врачей власти «не слышали», а их тревога за здоровье детей не решала проблемы, и, таким образом, неуклонно росла детская смертность.

Во втором полугодии 1919 г. губернский подотдел охраны материнства и младенчества ходатайствовал перед Отделом охраны материнства и младенчества Наркомсоцобеспечения о выдаче наряда на продукты. Однако такие запросы не могли уже быть выполнены в условиях дезинтеграции экономики, нарушения товарообмена, тотального дефицита продовольственных ресурсов. Для центральных и местных властей важнее было накормить Красную армию и «армию управленцев», чем нуждающихся матерей и их детей.

9 марта 1920 г. секции охраны материнства и детства были переданы по постановлению Совнаркома от 9 марта 1920 г. в здравотделы. Теперь не собесы отвечали за здоровье младенцев, а медицинские работники. Однако это совершенно не повлияло на положение учреждений по охране материнства и младенчества. «Смена караула», то есть руководства не привела к увеличению финансирования детских учреждений, но медицинские работники все же более активно сигнализировали руководству о заболеваемости детей и недостатках в их содержании в детских учреждениях. Источники сохранили принципиальные позиции тамбовских врачей по важности спасения детей в «советских приютах» и не прикрывались политическими или партийными лозунгами о «победе мировой революции» и торжестве социалистических идей. Для медиков были очевидными факторы, ко-

торые разрушали здоровье детей и приводили к росту младенческой смертности.

Все же в этот период местные власти попытались смягчить положение со снабжением новорожденных детей через создание «новых», «особых» детских домов для детей до 3-х лет. Дело в том, что продукты отпускались государством только для детских домов, и перевод детских учреждений подотдела охраны материнства и детства в эту категорию немного смягчал ситуацию.

Однако еще одна опасность грозила «младенцам» и их детским учреждениям со стороны «военных». Дело в том, что под построй войскам революционной России требовались здания, и с большим «успехом» изымались помещения, в которых жили и воспитывались малолетние дети. Волна реквизиций для Красной армии зданий детских учреждений была столь вопиющей, что был вынужден вмешаться в «тамбовский беспредел» сам Ф.Э. Дзержинский. Узнав, что Особый отдел Тамбовской ЧК занял только что отремонтированный дом, а помещения для детской больницы не нашлось, Ф.Э. Дзержинский 14 апреля 1921 г. отправил председателю Тамбовской губчека телеграмму: «Немедленно примите все меры [к] полному оказанию содействия и изысканию средств помощи губуполномоченному по улучшению жизни детей. Занятый особотделом отремонтированный дом передать под детскую больницу, а также отведенные огороды. Вопрос улучшения жизни детей – один из важнейших вопросов республики, и губчека должна идти всемерно навстречу, а не ставить препятствий. Предвечека Дзержинский» [12, с. 18]. Это вмешательство главы ВЧК остановило «разорение» детских учреждений в Тамбовской губернии. Иначе военная «целесообразность» и потребности нанесли бы еще больший урон новорожденным детям Советского государства.

В регионе все же происходили неизбежные уже сокращения, говоря современным языком, непрерывные «оптимизации» детских учреждений, и к октябрю 1921 г. в регионе остались лишь 2 дома «Матери и ребенка», один «Дом младенцев» и один дом «Ясли».

Но власти старались «разгружать» также и сами детские дома от детей в возрасте до 3-х лет. Дети дошкольного возраста из смешанных детских домов должны были

¹² ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 51. Л. 40.

быть выделены в специально-ориентированные для них дома – дома ребенка.

Впрочем, эти «Дома ребенка» по-прежнему испытывали недостаток в топливе, питании, белье и обуви. Детским садам питание или совсем не отпускалось, или же отпускалось по самой минимальной норме. О положении дел в уездных центрах весьма красноречиво свидетельствует акт обследования детских приютов, домов младенчества в г. Козлов Тамбовской губернии, проведенный 5–7 мая 1921 г.: «Приют № 3 «Революция». Дом требует капитального ремонта. Нет для детей белья, имеется одна смена, то есть то, что на них. Нет достаточно кроватей, и дети спят по двое–трое на одной кровати. Острый недостаток постельных принадлежностей. Дети спят чуть на голых досках»¹³.

О состоянии дел в уездах откровенно и предельно точно сообщали и местные власти. В уездном г. Моршанск на заседании комиссии по улучшению быта детей от 23 января 1922 г. управздравотделом Троицкий отмечал, что в домах «Младенца», «Матери и ребенка» и яслях при железной дороге положение критическое. «Смертность в доме младенца доходит до 65 процентов. Главные причины: отсутствие молока, слабость организма детей, подобранных с улицы. Также недостаток топлива»¹⁴. Эти данные были не исключением из правил, а вполне типичной картиной того, как складывались дела в детских учреждениях в годы «успешной» новой экономической политики (нэпа).

В мае 1922 г. разразился новый удар по учреждениям по охране материнства и младенчества в Тамбовской губернии: из центра пришла директива о передаче всех детских учреждений, кроме 125 коек, оставленных на гособслуживании, на содержание каких-либо хозяйственных организаций. Начались просьбы, ходатайства, мольбы. Работники просили сохранить детские учреждения в губернии хотя бы до сентября, то есть до нового урожая. К содействию и попыткам сохранения учреждений охраны материнства и младенчества были привлечены уполномоченные по улучшению жизни детей, члены женотделов. В течение двух месяцев шла непрерывная борьба за жизнь детских учреждений. К сожалению, как отмечали совре-

менники, результаты далеко не соответствовали количеству затраченной энергии: по некоторым уездам были ликвидированы почти все детские учреждения. Из трех уездов Кирсановского, Козловского и Шацкого совершенно перестали поступать сведения о судьбе детских домов и домов материнства и детства¹⁵. В Моршанском, Липецком, Борисоглебском, Спасском, Лебединском, Елатомском и Тамбовском уездах детские учреждения были переданы или в уисполкомы или профсоюзам, либо другим учреждениям.

Хотя формально все учреждения охраны материнства и младенчества продолжали состоять в ведении губздравра, но фактически они находились в полной зависимости от организаций, взявших их на свое иждивение. Однако уже спустя несколько недель стало понятно, что учреждения не имели возможности содержать детей на своем бюджете.

В 1923 г. в Тамбовской губернии было 18 учреждений по охране материнства и младенчества: 10 домов для детей в возрасте до 3 лет на 420 детей; три дома матери и ребенка на 90 детей и 45 матерей, двое яслей постоянного типа на 65 детей и три консультации, через которые проходило по 80–90 человек в сутки. Эти консультации обслуживали беременных женщин и матерей с младенцами. В детские учреждения принимались как подкидыши, так и дети необеспеченных материально матерей. Их обслуживали врачи, сестры-воспитательницы и няни.

Стали привлекательными и дома-сады. Эти дома-сады являлись звеном в цепи учреждений социального воспитания, «ставящих опыты применения наиболее целесообразных методов воспитания. Существование этих домов-садов особенно важно потому, что дитя пролетарской революции приобретает пролетарское мировоззрение с самых ранних лет своей жизни»¹⁶. В пропагандистском издании «Красный Октябрь. Четвертая годовщина» указывалось, что в губернии имелся 191 детский сад, а до 1917 г. было лишь «6 детских садов в городах для богатых»¹⁷.

На 1923–1924 гг. во всей Тамбовской губернии, судя по хозяйственному плану, име-

¹⁵ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1788. Л. 7.

¹⁶ Хозяйственный план с пояснительной к нему запиской на 1923–1924 гг. Тамбов, 1923. С. 41.

¹⁷ Красный Октябрь. Четвертая годовщина. Тамбов, 1921. С. 52.

¹³ ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 251. Л. 10.

¹⁴ Там же. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 501. Л. 14.

лись 2 детских сада, в которых работали 5 педагогов и находились 45 детей. Комплектование шло по классовому признаку с предпочтением детям рабочих и крестьян¹⁸.

Спустя год, в 1925 г., в Тамбовской губернии функционировали уже 8 детских садов и очагов, 63 детских дома¹⁹.

Учреждения по охране материнства и детства были рассчитаны главным образом на распространение гигиенических сведений по вопросам вскармливания и организации детских учреждений. Они подразделялись на два типа: детские учреждения открытого типа (ясли, консультации) и закрытого типа (дома ребенка, дома матери и ребенка). В Тамбовской губернии имелось 8 детских учреждений закрытого типа и 10 – открытого. Всего там было 560 детей и 35 матерей. В летнее время в наиболее крупных селах работали 22 летних яслей на 750 детей²⁰.

К концу 20-х гг. XX века в регионе по-прежнему имелось явно недостаточное количество учреждений дошкольного образования. Из 14600 детей в возрасте от 3 до 7 лет дошкольными учреждениями было охвачено лишь 2548 детей, то есть лишь 17 % от общего числа детей дошкольного возраста. Всего по Тамбовскому округу имелось 12 детских садов и 53 детские площадки. Из них в 1928/1929 учебном году было открыто 4 детских сада и 50 площадок за счет кооперативных и общественных организаций. Планировалось через пять лет открыть по одному детскому саду и площадке на каждый район²¹.

В самом Тамбове в 1929 г. учреждения охраны материнства и младенчества были представлены консультацией для детей и отдельно консультацией для матерей, двумя детскими яслями, работающими с 8 часов утра до 4 часов дня, и для матерей вечерней смены с 4 дня до 7,5 часов вечера. Эти два детских сада вполне понятно показывают, как развивалась система по охране материнства и детства в конце 20-х гг. XX века.

¹⁸ Хозяйственный план с пояснительной к нему запиской на 1923–1924 гг. С. 7.

¹⁹ Календарь и записная книжка добровольного корреспондента Тамбовской губернии за 1927 г. Тамбов, 1927.

²⁰ Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XI созыва. Тамбов, 1926. С. 147.

²¹ Пятилетний перспективный план развития хозяйственной и культурной жизни Тамбовского округа на 1928–1929 – 1932–1933 гг. Вып. V. Тамбов, 1929. С. 8.

Впрочем, было еще одно обстоятельство, которое несколько «сгладило» в рассматриваемый период проблему подкинутых детей и заботу об их социальной защите. На заседании съезда работниц и крестьянок – членов Советов 3–7 октября 1927 г. говорилось и об улучшении положения женщин, о чем свидетельствовало уменьшение случаев подкидышания детей. Приводились данные Тамбовского дома ребенка: в 1917 г. поступило 1010 подкидышей, в 1925 г. – 119, 1926 г. – 51, 1927 г. – 46²². Сами эти сведения не подлежат сомнению, но необходимо учитывать несколько обстоятельств:

1) территория Тамбовской губернии с 1923 г. подвергалась почти непрерывному «обрезанию», что приводило к фактическому сокращению учитываемого в статистике населения и изменяло сведения по подкидышам;

2) население региона за первое десятилетие советской власти резко сокращалось из-за репрессии революционной эпохи (1917–1918 гг., периода «антоновщины», голодовок, притеснения «новых» властей на уровне конкретных сел и городов);

3) легализация абортов, конечно же, спасала тысячи жизней женщин, которые неизбежно при необходимости пошли бы на «нелегальное» искусственное прерывание беременности, но приводила к «убийству» тех же тысяч нерожденных детей, часть которых могла бы оказаться в советских «приютах для подкидышей». Постановлением наркоматов здравоохранения и юстиции от 16 ноября 1920 г. «Об искусственном прерывании беременности» аборты в Советской России были легализованы. Отныне их можно было делать в специальном медицинском учреждении бесплатно, а фабрично-заводские работницы пользовались преимуществом на аборт вне очереди. Семейно-брачный кодекс 1926 г. также утвердил право женщины на искусственное прерывание беременности [13, с. 279]. Так, в Тамбовской губернии в 1925–1926 гг. было проведено 3405 искусственных прерываний беременности²³. Можно предположить, что часть из этих нерожденных, нежелательных детей могла бы оказаться среди «подкидышей».

²² ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 289. Л. 37а.

²³ Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XII созыва. Тамбов, 1927. С. 87.

Декларировавшиеся призывы о детях как «цветах жизни», обязательства государственной заботы о воспитанниках приютов, детях-подкидышах оказались при «новом» режиме пустым звуком. Ограбленная в годы революции, Гражданской войны, нэпа и коллективизации Тамбовщина демонстрировала полный провал эйфории и надежд на «светлое» коммунистическое будущее для советских детей. Положение детей-сирот, в частности, новорожденных детей-подкидышей, было близким к катастрофе, и их выживание и здоровье зависели не от государства или местных властей, а было делом случая и стечения обстоятельств. Обещание «счастливого детства» оказалось фикцией и никак не подкреплялось финансово и организационно.

Подводя итоги, важно отметить, что местные власти все же пытались каким-то образом решать острые проблемы детской смертности и старались формировать особую социальную политику в отношении охраны материнства и младенчества, однако, недостаток средств не позволял им реализовывать задуманное. Рекомендация из столиц опираться на местные ресурсы не могла быть реализована по причине масштабного изъя-

тия из региона продовольственных и других материальных резервов. Нэп по своей сути был хуже самого тяжелого стихийного бедствия, привел к почти полному свертыванию программ социальной защиты детей, от которого регион так и не смог полностью оправиться до конца 20-х гг. XX века.

Ситуацию отчасти спасали адаптивные факторы, которые были характерны для традиционных устоев аграрного социума Тамбовщины [14]. В работе В.Л. Дьячкова справедливо указывается на возрастание в кризисные периоды способности к выживанию и поиску путей выхода из порой не разрешаемых ситуаций и событий [15].

И все же, важно отметить, что это поколение, рожденное в 20-е гг. XX века, прошедшее через невероятные испытания и страдания, нужду и голод, проявило удивительные патриотические настроения, беззаветную храбрость и мужество в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Именно эти «дети беды» смогли выдержать тяготы и лишения военной поры, защитить свою Родину, проявлять героизм и самоотверженность, привести Советский Союз к Великой Победе.

Список литературы

1. Щербинин П.П. «Пустите детей ко мне...»: «дети беды» и попечительство до и после 1917 года. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2018. 370 с.
2. Бравая Р.М. Охрана материнства и младенчества на Западе и в СССР: исторический очерк. М.: Гос. мед. изд-во, 1929.
3. Федер Е.А. Что такое охрана материнства и младенчества. М.: Гос. мед. изд-во, 1929.
4. Курзон В.М. Охрана материнства и младенчества в СССР: пособие для врачей и работников по охране материнства и младенчества / с предисл. директора Гос. науч. ин-та охраны материнства и младенчества проф. Г.Н. Сперанского. 2-е изд. Самара: Самиздатторг, 1928.
5. Лепский Е.М. Что такое охрана материнства и младенчества. Казань: Санпросвет Татнаркомздрава, 1924.
6. Каценельсон И.С. Охрана материнства и младенчества, ее цели и задачи. Л.: Ленингр. правда, 1928.
7. Конюс Э.М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917–1940): по материалам орг. и науч. съездов / под ред. В.П. Лебедевой, Г.Н. Сперанского. М.: Центр. ин-т усовершенствования врачей, 1954.
8. Боголепов П.П. Справочник по охране материнства и младенчества. Систематический сборник действующего законодательства и официальных материалов с 1917 г. по 1 октября 1927 г. М.: Охрана материнства и младенчества НКЗ, 1928.
9. Сычева Н.С. Становление и развитие учреждений по охране материнства и младенчества на Дону в 1920-е годы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2013. № 6 (178). С. 41-45.
10. Смирнова Т.М. Дети страны Советов. От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. Москва; Санкт-Петербург: Ин-т рос. истории РАН; Центр гум. инициатив, 2015.
11. Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография / под ред. М.Б. Денисенко, И.А. Троицкой. М., 2010.
12. Гладыш С. Дети большой беды. М., 2004.

13. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Москва; Тамбов, 2004.
14. Щербинин П.П. «Антоновщина» сквозь призму восприятия детей и подростков: выбор жизненного пути и его последствия в первой четверти XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (80). Ч. 2. С. 113-115.
15. Дьячков В.Л. Российская демографическая модель XX в.: особенности перехода от традиции к модерну // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 20. Вып. 12 (152). С. 143-147. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-12(152)-143-147.

References

1. Shcherbinin P.P. «Pustite detey ko mne...»: «*deti bedy*» i *popechitel'stvo do i posle 1917 goda* [“Suffer the Children to Come unto Me...”: “Children of Misfortune” and Patronage before and after 1917]. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, 2018, 370 p. (In Russian).
2. Bravaya R.M. *Okhrana materinstva i mladenchestva na Zapade i v SSSR: istoricheskiy ocherk* [Protection of Motherhood and Infancy in the West and in the USSR]. Moscow, State Medical Publ., 1929. (In Russian).
3. Feder E.A. *Chto takoye okhrana materinstva i mladenchestva* [What is Protection of Motherhood and Infancy]. Moscow, State Medical Publ., 1929. (In Russian).
4. Kurzon V.M. *Okhrana materinstva i mladenchestva v SSSR: posobiye dlya vrachey i rabotnikov po okhrane materinstva i mladenchestva* [Protection of Motherhood and Infancy in the USSR: Guide for Doctors and Workers of Protection of Motherhood and Infancy]. Samara, Samizdattorg Publ., 1928. (In Russian).
5. Lepskiy E.M. *Chto takoye okhrana materinstva i mladenchestva* [What is Protection of Motherhood and Infancy]. Kazan, Sanprosvet Tatnarkomzdrava Publ., 1924. (In Russian).
6. Katsenelson I.S. *Okhrana materinstva i mladenchestva, eye tseli i zadachi* [Protection of Motherhood and Infancy, Its Aims and Tasks]. Leningrad, Leningradskaya pravda Publ., 1928. (In Russian).
7. Konyus E.M. *Puti razvitiya sovetskoy okhrany materinstva i mladenchestva (1917–1940): po materialam org. i nauch. syezdov* [The Ways of Development of Soviet Protection of Motherhood and Infancy (1917–1940): Based on the Materials of Organizational and Scientific Congresses]. Moscow, Central Medical Refresher Institute, 1954. (In Russian).
8. Bogolepov P.P. *Spravochnik po okhrane materinstva i mladenchestva. Sistemicheskiy sbornik deystvuyushchego zakonodatel'stva i ofitsial'nykh materialov s 1917 g. po 1 oktyabrya 1927 g.* [Guide on Protection of Motherhood and Infancy. Systemic Digest of Current Legislation and Official Materials since 1917 to October 1, 1927]. Moscow, Protection of Motherhood and Infancy of the Narkomzem, 1928. (In Russian).
9. Sycheva N.S. Stanovleniye i razvitiye uchrezhdeniy po okhrane materinstva i mladenchestva na Donu v 1920-e gody [Formation and development of institutions of the protection of motherhood and infancy on the Don in 1920s]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennyye nauki – University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series*, 2013, no. 6 (178), pp. 41-45. (In Russian).
10. Smirnova T.M. *Deti strany Sovetov: Ot gosudarstvennoy politiki k realiyam povsednevnoy zhizni. 1917–1940 gg.* [Children of Soviet Country: From State Policy to Everyday Realities. 1917–1940]. Moscow, St. Petersburg, 2015. (In Russian).
11. Avdeyev A. Mladencheskaya smertnost' i istoriya okhrany materinstva i detstva v Rossii i SSSR [Death rate of infancy and history of protection of motherhood and childhood in Russia and in the USSR]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography]. Moscow, 2010. (In Russian).
12. Gladyshev S. *Deti bol'shoy bedy* [Children of Great Misfortune]. Moscow, 2004. (In Russian).
13. Bezgin V.B. *Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka)* [Everyday Life of Peasants (Traditions of the Late 19th – Early 20th Century)]. Moscow, Tambov, 2004. (In Russian).
14. Shcherbinin P.P. «Antonovshchina» skvoz' prizmu vospriyatiya detey i podrostkov: vybor zhiznennogo puti i ego posledstviya v pervoy chetverti XX veka [“Antonovshchina” through the lenses of perception of children and adolescents: choice of life course and its consequences in the first quarter of the 20th century]. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2017, no. 6 (80), part 2, pp. 113-115. (In Russian).
15. Dyachkov V.L. Rossiyskaya demograficheskaya model' XX v.: osobennosti perekhoda ot traditsii k modernu [Russian demographic model in the 20th century: peculiarities of transition from tradition to modern].

Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities, 2015, vol. 20, no. 12 (152), pp. 143-147. (In Russian). DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-12(152)-143-147.

Информация об авторе

Щербинин Павел Петрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой ЮНЕСКО по правам человека и демократии. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Вклад в статью: общая концепция статьи, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>

Поступила в редакцию 14.10.2018 г.

Поступила после рецензирования 17.11.2018 г.

Принята к публикации 15.01.2019 г.

Information about the author

Pavel P. Shcherbinin, Doctor of History, Professor, Head of UNESCO of Human Rights and Democracy Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Contribution: main study conception, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>

Received 14 October 2018

Reviewed 17 November 2018

Accepted for press 15 January 2019